

обрядцев, но это было обычной в то время уловкой, к которой прибегали просветители, например Ломоносов в незадолго до того нашумевшем «Гимне бороде» (1757). Кстати, словно для выражения своего согласия с Ломоносовым в данном вопросе, Сумароков написал в «Слове похвальном»: «В перемене одеяния и в бритии бород не было бы Петру Великому ни малейшая нужды, ежели бы старинное платье не покрывало старинного упрямства, а борода в подлых головах не умножала гордости».¹⁶

Еще больше опасений должно было вызвать у Котельникова место, следовавшее после характеристики Петра и особенно подчеркивавшее простоту и величие императора — преобразователя, с тем чтобы противопоставить ему Елизавету: «Не в великолепии ищут великие государи величества, не в великолепии искал его и ты великий государь. Твое великолеpie было попечение о государстве, едино украшение и сияние венца; ибо все прочее пустой только блеск».¹⁷

Можно не сомневаться, что именно для того, чтобы публично противопоставить простоте и величию Петра великолеpie и внешний блеск Елизаветы, и было написано Сумароковым его «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом». И, конечно, опытного цензора Котельникова не могли успокоить разбросанные в разных местах рукописи Сумарокова комплименты Елизавете: «Подражайте будущим векам монархи российские делам его, сим образом, которым ему Елисавета подражает», или: «На сих днях, на сих последних днях твоим оружием дщерь твоя над сильным неприятелем две преславные победы одержала».¹⁸ Как всякий умный цензор, Котельников понимал, что «в верхах» будет обращено внимание на основную тенденцию «Слова похвального», а не на отдельные комплименты Сумарокова Елизавете.

Поэтому Котельников сообщил в Канцелярию Академии, что он не осмеливается принять на себя рассмотрение сочиненного Сумароковым «Слова похвального о государе императоре Петре Великом», и дело перешло к самому президенту академии графу К. Г. Разумовскому. Последний 7 октября 1759 года:

приказать изволил упомянутое «Похвальное слово», по неотступному требованию господина автора и в том рассуждении, что и прежде, до издания его журнала, печатаны были многие его пиэсы без цензуры академической, напечатать, оставляя ему собственно в том ответствовать, ежели двор и публика покажет какое неудовольствие, а в прочем господам цензорам поступать по прежде данной им инструкции.¹⁹

Дело № 239 не сохранило данных о реакции «двора и публики» на дерзостное выступление Сумарокова, но именно «Слово похвальное», — в этом можно несколько не сомневаться, — послужило последним основанием для закрытия журнала.

В литературе о «Трудовой пчеле» указывалось, что во втором полугодии ее издания в ней усиливается сатирическая сторона, появляются в большом числе прозаические статьи сатирического характера, содержащие едкие нападки на лихоимство судей, взяточничество чиновников и т. п. В стихах Сумароков высмеивал откупщиков, подьячих, каких-то знагных современников (кто они были, теперь установить почти невозможно). Это также создавало неприязненное отношение придворных кругов к журналу Сумарокова.

¹⁶ Там же, стр. 584.

¹⁷ Там же, стр. 586—587.

¹⁸ Там же, стр. 585.

¹⁹ Архив АН СССР, д. № 239, лл. 50—51.